

ДВОР КНЯЗЯ АНДРЕЯ СТАРИЦКОГО И ПРОБЛЕМА
«СТАРИЦКОГО МЯТЕЖА» 1537 г.

Анализ структуры и личного состава служилых людей удельных княжеств доказал свою плодотворность в изучении политических процессов, происходивших в Русском государстве конца XV — середины XVI в. Проблематика удельных дворов была поднята С. Б. Веселовским и А. А. Зиминим, а затем продолжена целым рядом исследователей. Тема эта к настоящему времени еще далеко не закрыта. Обобщающая работа А. А. Зимина о составе удельных дворов во многих отношениях нуждается в пересмотре и в более тщательной проработке отдельных поднятых в ней тем и сюжетов¹.

В частности, достаточно много вопросов возникает применительно к описанию двора старицких князей — Андрея Ивановича и Владимира Андреевича. Старицкие князья в силу своего происхождения были действующими лицами сразу нескольких династических кризисов. Их роль претендентов на престол, принадлежавшая им несколько десятилетий, обуславливала повышенное внимание к их судьбам со стороны московского правительства. В значительной степени это внимание распространялось и на служивших им бояр и детей боярских. Личный состав этого удельного двора подвергался неоднократным «переборам». Это обстоятельство само по себе предполагает необходимость значительной осторожности в предпринимаемых обобщениях. Подход же А. А. Зимина, равно как и ряда других историков, рассматривающих старицкий двор в статичной картине, без учета происходивших внутри него перемен, нуждается в существенных корректировках².

Авторитет этого исследователя и отсутствие других специальных работ по теме старицкого двора привели в дальнейшем к определенному повторению и «тиражированию» отмеченных недочетов. А. А. Зимин, например, писал о близости к старицким князьям Поливановых. В этом случае имелся в виду Митя Поливанов, выступавший в качестве судьи и разъездчика князя Андрея Ивановича в Переславском уезде в 1514/1515 г., еще до создания собственно старицкого удела. А. П. Павлов в работе, посвященной возможностям ретроспективного изучения старицких писцовых книг 1624—1626 г., описывая изменения личного состава старицких землевладельцев во второй половине XVI в., писал уже о потере Поливановыми земель на территории Старицкого уезда. На самом деле, со старицким уделом Поливановы не были связаны. Потомки Д. М. (Мити) Поливанова в Дворовой тетради были записаны по Москве и Боровску. Аналогичное заключение было сделано А. П. Павловым применительно к князьям Троекуровым, родственник которых, новгородский помещик князь И. С. Львович Ярославский, примкнул к отряду князя Андрея Старицкого только во время новгородского похода, за что и поплатился жизнью³.

Тема старицкого мятежа, в свою очередь, неоднократно поднималась в исторической науке. Из современных исследователей этот сюжет рассматривали в своих работах А. Л. Юрганов и М. М. Кром. А. Л. Юргановым, в частности, была показана несостоятельность тезиса о

¹ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 164–166; Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 161–188; *Его же*. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. // ВИД. Л., 1973. Вып. 5. С. 182–195; *Его же*. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 292–293; Грязнов А. Л. Двор верейско-белозерских князей в 1389–1486 годах // Кириллов. Вологда, 2001. Вып. 4. С. 24–51; Бенцианов М. М. Служилые люди князя Юрия Дмитровского // ДРВМ. 2010. № 2 (40). С. 41–55; № 3 (41). С. 55–68.

² Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 179–183.

³ Там же. С. 183; Павлов А. П. Опыт ретроспективного изучения писцовых книг (на примере писцовых книг Старицкого уезда 1624–1626 гг.) // ВИД. Л., 1985. Вып. 18. С. 109.

противостоянии князя Андрея Старицкого централизаторскому курсу московского правительства. По мнению исследователя, вопрос о ликвидации старицкого удела был предрешен при любом исходе этого мятежа. Победа великокняжеских воевод привела к закономерному исчезновению удела, в случае же более благоприятного для старицкого князя исхода он сам, в роли нового великого князя, присоединил бы его к домениальным владениям. Речь, таким образом, шла о заурядной смене декораций в борьбе за престол. Как справедливо заметил М. М. Кром, при такой постановке вопроса нелогичным кажется последующее восстановление этого удела. Сам М. М. Кром склонялся к трактовке старицкого мятежа как одного из эпизодов династического кризиса периода «вдовствующего царства». При всей правдоподобности такого подхода старицкий мятеж в результате оказывается вычлненным из общей канвы событий, относящихся к развитию удельной системы конца XV — середины XVI в., и во многом лишается за счет этого своего внутреннего содержания.⁴ Соответственно, существует необходимость обобщений на другом уровне, выявление закономерностей в контексте проблемы взаимоотношений великокняжеской власти и удельных князей. Одним из аспектов этого процесса был вопрос комплектования личного состава дворов удельных князей, в том числе, конечно, и старицкого двора.

Задача реконструкции личного состава двора старицких князей должна решаться в контексте связанных с этим удельным княжеством политических событий. Очевидно, что подходы к комплектации двора князя Андрея Ивановича при создании старицкого удела (1519 г.) в определенной степени отличались от политики, проводимой московским правительством в начале 40-х годов XVI в., когда этот удел был восстановлен. В дальнейшем персональный состав двора Владимира Старицкого также претерпевал определенные изменения. Известно, например, что в конце 50-х годов XVI в. к нему в удел был определен князь П. Д. Пронский, а незадолго до 1562 г., наоборот, переведен на государеву службу И. Б. Хлызнев Колычев. Решительное «обновление» старицкого двора было произведено в 1563 г., когда «у князя Володимера Одреевича повеле государь быть своим бояром и дьяком и стольником и всяким приказным людям... Бояр же его и дьяков и детей боярских, которые при нем близко жили, взял государь в свое имя»⁵. Впрочем, и этот последний вариант удельного двора просуществовал сравнительно недолго. В 1569 г. князь Владимир Старицкий был казнен, а его двор распущен. Неизвестно, были ли свои бояре и дети боярские у его сына Василия, но в любом случае смерть последнего в 1573 г. навсегда закрыла «старицкую» страницу российской истории⁶. Старицкий двор, или, точнее, несколько последовательно сменявших друг друга дворов, представлял собой, таким образом, объект активного вмешательства со стороны московского правительства, изменявшего его состав в соответствии с собственными планами. В этом ряду выделяются, пожалуй, бурные события 1537 г.: бегство князя Андрея Старицкого, его призывы к новгородским помещикам перейти на его службу, попытка вооруженного сопротивления войскам выступивших против него московских воевод и последующие казни его сторонников.

Согласно устоявшейся традиции, официальная Воскресенская летопись говорит о причинах мятежа 1537 г.: «по дьяволу действу и лихих людей возмущением». В дальнейшем роль «лихих людей» была особенно подчеркнута. Они, в частности, «сказаше на великого князя, что хочет его (Андрея Старицкого. — М. Б.) князь велики поимати». Впоследствии, после «поимания» князя Андрея Старицкого, торговой казни были подвергнуты его бояре, а также князья и дети боярские, «которые у него в избе были и думу его ведали». Летописный рассказ дает достаточно подробный список тех, кто подвергся казни и кто, очевидно, принадлежал к числу упомянутых «лихих

⁴ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж // ВИ. 1985. № 2. С. 110; Кром М. М. Вдовствующее царство: политический кризис в России 30–40-х гг. XVI века. СПб., 2010. С. 172.

⁵ ПСРЛ. СПб., 1906. Т. XIII. Вторая половина. С. 368.

⁶ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 159, 161.

людей»⁷. Сопоставление различных источников, среди которых особое место занимает «Повесть о поимании князя Андрея Старицкого», написанная сочувствующим ему автором, показывает, что в действительности в событиях 1537 г. позиция служилых людей этого удельного князя разделилась: одни из них предали его и перебежали к великокняжеским воеводам, другие хранили верность вплоть до самого финала⁸. Очевидно, на какое-то время центральное правительство утратило контроль над ситуацией внутри старицкого двора. Соответственно, особый интерес в рассматриваемом контексте приобретает изучение персонального состава двора князя Андрея Старицкого, анализ происходивших внутри него изменений в контексте осмысления «мятежа» 1537 г., последующей ликвидации и реставрации старицкого удела.

Подавляющее большинство имен бояр и детей боярских князя Андрея Старицкого известно только благодаря летописным свидетельствам 1537 г. и упоминаниям в родословных книгах. Несколько имен содержится в актовых материалах, разрядных книгах (большая часть относится к свадебному разряду 1533 г.), а также в рубрике Старица «княж Андреевские Ивановича» Тысячной книги. Более трех десятков имен фигурирует в старицкой рубрике Дворовой тетради, однако их соотнесение с дворовыми детьми боярскими князя Андрея Старицкого не всегда выглядит убедительным. Известно, что во время существования старицкого удела определенная часть местных вотчинников находилась на великокняжеской службе. Среди них были, например, братья И. Ю. и В. Ю. Поджогины. В 1526 г. поместье в волости Хорвач Тверского уезда получил еще один старицкий землевладелец — И. Н. Кушник Затыкин⁹. Близок Поджогиным был Г. Н. Безстужев, племянник которого Федько встречался сразу в двух рубриках Дворовой тетради: старицкой и тверской («помещики тверские»). Его отец В. Н. Бестужев в 1541/1542 г. владел тверским поместьем. Скорее всего, Бестужевы также служили непосредственно Василию III¹⁰. Значительная часть бывших вассалов князя Андрея Старицкого перешла на службу к его сыну Владимиру и, соответственно, отсутствовала в Дворовой тетради. С другой стороны, этот источник позволяет проследить перемещения удельных служилых людей в другие уезды. Большое число бывших детей боярских князя Андрея Старицкого и их сыновей встречается в можайской, бельской и ржевской рубриках Дворовой тетради.

Немногочисленные факты истории существования удела Андрея Старицкого давно обобщены в трудах различных историков. Известно, что, несмотря на духовную грамоту Ивана III, его младший сын Андрей получил завещанные ему земли только в 1519 г., после смерти своего старшего брата князя Семена Калужского. В состав его удела вошли города Веряя, Вышгород, Алексин, Любутск, Старица, Холм и Новый городок (в Тверской земле), а также ряд московских волостей. Старицкий удел, таким образом, состоял из нескольких земельных массивов, отделенных друг от друга достаточно большими расстояниями и имевших различную историю вхождения в состав Русского государства¹¹. В 1537 г. этот удел был ликвидирован и воссоздан (в ограниченных правах) уже в 1541 г.

При создании своего двора князь Андрей Иванович вряд ли мог рассчитывать на существование здесь каких-либо традиций удельной службы. Из всех переданных ему

⁷ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 292, 294–295.

⁸ ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. Прил. С. 356–357; Кром М. М. Вдовствующее царство: политический кризис в России 30–40-х гг. XVI века. С. 204.

⁹ Маштафаров А. В. Духовная Ивана Юрьевича Поджогины 1541 г. // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 1. С. 25–37; Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М., 2005. С. 233.

¹⁰ Маштафаров А. В. Духовная Ивана Юрьевича Поджогины 1541 г. С. 29. Г. Н. Безстужев был послухом купчей В. Ю. Поджогины в Старицком уезде. Он же упоминался в духовной И. Ю. Поджогины 1541 г. (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. (далее — ТКДТ). М.; Л. 1950. С. 183, 198).

¹¹ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 63–65. Незадолго до этого, в 1514/1515 г., князь Андрей распорядился Аргуновской волостью Переславского уезда.

городов только Верейя была центром удела московского княжеского дома, однако верейский удел был ликвидирован еще в 1486 г. Вряд ли при формировании собственного двора можно было рассчитывать и на попустительство со стороны Василия III, который, хотя и относился к Андрею Старицкому лучше, чем к остальным своим братьям, однако явно не отличался политической сентиментальностью. После неудавшейся попытки бегства в Великое княжество Литовское князя Семена Калужского «князь великий... людей его и бояр всех переменял». Под постоянным контролем находился и двор князя Юрия Дмитровского. Попытки расширения числа служивших этому князю бояр и детей боярских встречали жесткое противодействие со стороны великокняжеской власти. Достаточно вспомнить пример князей И. и А. М. Шуйских, которые после попытки отъезда в Дмитров были схвачены и закованы в кандалы¹².

Скорее всего, состав старицкого двора формировался под непосредственным контролем московского правительства. Не случайно одним из бояр князя Андрея Старицкого стал князь Ф. Д. Пронский, заслуженный воевода, неоднократно фигурировавший в разрядах начиная с 1511/1512 г. В том же 1519 г. он был одним из воевод на Мещере. Примечательно, что в семье князей Пронских впоследствии боярское звание на великокняжеской (царской) службе получили не только старшие братья князя Федора — Юрий и Иван, но и младший — Данила. Таким образом, карьерное продвижение князя Ф. Д. Пронского носило вполне предсказуемый характер. Никто из князей Пронских прежде не был связан с удельной службой. Маловероятно в связи с этим, что переход князя Ф. Д. Пронского на службу к младшему из сыновей Ивана III, получившему весьма скромный по своим размерам удел, преследовал какие-то карьерные цели. Скорее, по устоявшейся традиции этот опытный воевода был отдан в старицкий удел для «кадрового усиления». Именно он в 1524/1525 г. был боярином и старицком наместником, возглавляя, очевидно, в эти годы боярскую думу князя Андрея Старицкого. Подобную роль играл при дворе князя Владимира Старицкого князь В. И. Темкин-Ростовский. Его брат Юрий в те же годы был боярином Ивана IV¹³.

В Пространной редакции разрядных книг сохранилось известие о том, что в 1520 г. у Тарусы стояли «воеводы князь Андрея Ивановича» князь К. С. Сисей Ярославский и И. И. Палецкий. Это сообщение полностью дублирует более ранний разряд 1512 г. (до образования удела), когда именно эти воеводы были приданы князю Андрею, находившемуся в той же Тарусе в ожидании подхода татарских войск. Один из них, князь К. С. Сисей, в 1519/1520 г. был отправлен в Казань в качестве полкового воеводы. Затем он же был воеводой в Нижнем Новгороде. Затем он же был воеводой в Нижнем Новгороде. Маловероятно, чтобы за столь непродолжительный промежуток времени ему удалось перейти на службу в старицкий удел и оказаться уже на службе в Тарусе. Присутствие же на старицкой службе князя И. И. Палецкого кажется вполне вероятным, учитывая высокое положение здесь его сына — князя Б. И. Палецкого, который в 1537 г. был конюшим и боярином князя Андрея Старицкого¹⁴. В этом отношении могли сыграть свою роль старые связи с князем Андреем Ивановичем. Вряд ли, однако, и в этом случае обошлось без санкционирования этого перехода со стороны московского правительства.

Менее определенно можно говорить о мотивах применительно к другим лицам, составившим «эли́ту» старицкого двора. Недостаток источников не позволяет проследить время появления здесь представителей той или иной фамилии. Можно только предположить, что основная их масса появилась на службе у князя Андрея Старицкого сразу после образования его удела. В дальнейшем

¹² ПСРЛ. Т. 8. С. 252; *Бенцианов М. М.* Служилые люди князя Юрия Дмитровского. С. 53.

¹³ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 116–117; *Родословная книга князей и дворян российских и выезжих...* М., 1787. Ч. 1. С. 59. Впервые в качестве удельного боярина князь В. И. Темкин фигурировал в свадебном разряде 1555 г.

¹⁴ Разрядная книга 1475–1605 г. М., 1977. Т. I. Ч. 2. С. 117, 119, 171, 176; ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

же его двор мог пополняться только за счет новиков, впервые поступающих на службу, а также неслужилых землевладельцев, особенно применительно к Тверской земле.

Так, возможно, обстояло дело с И. Б. Хлызневым Колычевым. Впервые в источниках он встречается в 1533 г. на свадьбе князя Андрея Старицкого. После этого его служба прослеживается еще на протяжении более чем 30 лет, вплоть до 1568 г., когда он стал жертвой опричных казней¹⁵. Учитывая это обстоятельство, маловероятным представляется его появление в старицком уделе в момент его создания.

Большинство тех, кто перешел к князю Андрею Старицкому в его удел, никак не успело проявить себя в служебном отношении. Об их положении приходится судить на основании служб их родителей или ближайших родственников. Можно отметить распространение среди этих лиц «семейного» принципа. Князю Андрею Старицкому служили, в частности, князья И., Ю. Большой и Ю. Меньшой А. Пенинские, И. А. Курака, Ю. Чапля В. Лыковы Оболенские, А. и В. Ф. Голубого Ростовские, В., А. и Г. М. Мешок Валуевы, П. и И. Винковы Буруновы, а также, вероятно, Д. и Жокула Э. Новосильцевы. Вполне возможно, что подобная особенность была обусловлена переводом на удельную службу целых семей из числа членов Государева двора.

Большинство родственников вассалов старицкого князя были известны по службе, хотя и не добились здесь особых успехов. Князь А. М. Пенинский, несмотря на боярство его старшего брата князя И. М. Репни Оболенского, единственный раз встречался в разрядах в 1512/1513 г. в качестве воеводы на Угре в окружении еще двух представителей Оболенского княжеского дома — князя И. В. Немого Телепнева и И. Д. Золотого Цепина. Скорее всего, в этом случае можно было говорить о служебной специализации князей Оболенских, нередко выступавших в качестве воевод на приокских рубежах Русского государства, в непосредственной близости от их родовых вотчин¹⁶.

В свою очередь, князь В. И. Лыков известен благодаря разряду свадьбы князя В. Д. Холмского и великой княжны Феодосии 1500 г. В том же разряде фигурировали князья В. И. Лыков, Ф. А. Голубой Ростовский и М. Валуев. Сын М. Валуева Григорий Мешок в начале XVI в. ездил в Турцию с наказом послу, в то время как Казарин, брат И. А. Винко Бурунова известен в качестве великокняжеского постельничего. Только по родословным данным известен П. А. Лошаков Колычев. Ни он сам, ни его отец не встречаются в других сохранившихся источниках, дядя же Г. Г. Лошаков Колычев после возвращения из литовского плена (был взят в плен в битве под Оршей) упоминается в разрядах только в 1531 г.¹⁷ То же можно заметить относительно И. К. Пятого. По родословным данным, он и его брат «служили в уделех в Дмитрове, да в Старице»¹⁸.

Высоко оценивался по службе И. А. Лобан Колычев, дослужившийся к концу своей жизни до звания окольничего. Ко второму десятилетию XVI в. его сыновья, однако, также не встречались в разрядах. Некоторые из них служили из Новгородской земли и были отрезаны, таким образом, от Государева двора. В этом отношении переход И. И. Умного Колычева к Андрею Старицкому вписывался в общую тенденцию. Тем не менее, благодаря высокому статусу своего отца и, возможно, своим собственным заслугам, он уже в 1525/1526 г. исполнял должность старицкого дворецкого¹⁹.

¹⁵ Разрядная книга 1475–1598 г. М., 1966 (далее — РК). С. 14; Зимин А. А. Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 60–61.

¹⁶ РК. С. 50; Бенцианов М. М. Княжеские родовые корпорации в Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. (князья Оболенские, Ростовские, Суздальские, Ярославские, Стародубские, Мосальские в середине XVI в.) // Историческая генеалогия. Екатеринбург, 1995. Вып. 9. С. 5.

¹⁷ Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 6. С. 37; Сб. РИО. СПб., 1895. Т. 95. С. 84; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 181, 219; Родословная книга. М., 1787. Ч. 2. С. 107. Кто-то из Лошаковых находился на службе у князя Дмитрия Углицкого (Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII вв. // Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8. С. 212).

¹⁸ Афанасий Шишка Игнатьев Пятого служил князю Юрию Дмитровскому.

¹⁹ Зимин А. А. Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. С. 60, 67.

До перехода на удельную службу никто из перечисленных лиц не занимал «стратилатских» должностей, представляя собой достаточно заурядных дворовых детей боярских. Не были они замечены и в удельных связях. В этом отношении они представляли собой достаточно удобный материал для формирования нового удельного двора.

Из всех вассалов князя Андрея Старицкого удельные связи можно обнаружить применительно всего к двум лицам: Г. В. Грязному Ильину и Я. Веригину. В начале XVI в. Г. В. Грязной Ильин был известен в качестве одного из кормленщиков князя Дмитрия Углицкого. В 1519 г. он уже служил в старицком уделе, хотя, по более позднему замечанию Ивана Грозного, и не дослужился здесь до каких-то высоких должностей (служил «мало что ни в охотниках с собаками»)²⁰. Я. Веригин в 1537 г. «пригонил с Волока в Старицу» с вестью о продвижении великокняжеских полков. В современной историографии он почему-то причисляется к роду Толбузиных. Между тем в родословной Толбузиных такое лицо отсутствует. Скорее, как справедливо заметил С. Э. Чернов, Я. Веригин был сыном Вериги Есипова, известного по завещанию князя Федора Волоцкого. Я. Веригин был одним из душеприказчиков В. П. Узкого. Впоследствии И. И. Челищев и Я. Веригин Есипов сделали вклад в Иосифо-Волоколамский монастырь по этому завещанию. В дальнейшем Веригины, в том числе и И. Я. Веригин — владелец вотчины в Рузском уезде в 60-е годы XVI в., данной ему «против отца его волотцкие вотчины», никогда не претендовали на родство с Толбузиными. Соответственно, можно предположить, что на старицкой службе Я. Веригин оказался после присоединения в 1514 г. Волоцкого удела²¹.

Появление здесь еще одного выходца из углицкого удела — князя И. А. Хованского (ранее его отец служил князьям Федору Волоцкому и Дмитрию Углицкому) — произошло, скорее всего, значительно позднее и было связано с женитьбой князя Андрея Старицкого на Евфросинье Хованской в 1533 г.²²

Встречались на службе в составе Государева двора Дедевшины. К сожалению, не удастся установить прямую связь между Проней Бекетовым Дедевшиным, упоминавшимся на службе у Андрея Старицкого в 1537 г., и другими представителями этого рода. Григорий Кренев Дедевша в 1494 г. был среди детей боярских в посольстве князей В. И. Патрикеева и С. И. Ряполовского в Великое княжество Литовское, а годом позже известен в разряде новгородского похода. Позднее Дедевшины служили как Василию III, так и его братьям. Лубня Дедевшин, очевидно, был вяземским помещиком и в 1509 г. сопровождал литовское посольство в качестве пристава. Лунь Дедевшин служил князю Дмитрию Углицкому, а И. И. Дедевшин был ясельничим князя Юрия Дмитровского.²³

То же самое можно заметить относительно Сатиных. Судок Сатин в 1537 г. участвовал в посольстве князя Ф. Д. Пронского в Москву, а затем предупредил князя Андрея Старицкого о его пленении и приближении московских полков. Многие из представителей Сатиных служили прежде князю Дмитрию Углицкому, но доказать удельное прошлое Г. Д. Судока Сатина не удастся²⁴.

²⁰ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII. М., 1997 (далее — АСЗ). Т. I. № 75–76. С. 60–61; Послания Ивана Грозного. М., Л., 1951. С. 193.

²¹ Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI в. СПб., 2003. С. 301–302; Чернов С. Э. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. М., 1998. С. 79, 88–89. В другой части своей книги он также относил Я. Веригина к роду Толбузиных; АФЗХ. Ч. 2. № 97. С. 91; № 220. С. 223; Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 г. М., 1997. С. 55.

²² Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 29.

²³ Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 138, 482; РК. С. 25; Акты Русского государства 1505–1526 гг. (далее — АРГ). М., 1975. № 231. С. 235.

²⁴ ПСРА. Т. 8. С. 293; Сатины в Дворовой тетради были записаны по Угличу и Ржеву. Несколько Сатиных числилось в Тысячной книге под рубрикой «князь Дмитриевские Ивановича».

Можно заметить, что тех, кто был связан с другими удельными княжествами, было довольно мало, а сами они не определяли лицо старицкого двора. Примечательно, что после «поимания» в 1533 г. князя Юрия Дмитровского никто из его бояр и детей боярских не перебрался на старицкую службу. Очевидно, процесс подобных переходов был жестко регламентирован со стороны московского правительства²⁵.

Среди местных землевладельцев, пополнивших собой старицкий двор, стоит отметить князей Чернятинских и Волконских. Князья Чернятинские представляли собой младшую ветвь тверских князей. Вотчинами в Тверском уезде эта фамилия продолжала владеть еще в середине XVI в. Между тем в служебном отношении князья Чернятинские далеко не преуспели. Единственный раз в разрядах в 1489 г. упомянут князь А. С. Чернятинский. Князь В. А. Чернятинский в 1521 г. возглавлял войска князя Андрея Старицкого на Серпухове. По сообщениям родословцев, он был боярином. Выбор князя В. А. Чернятинского в качестве старицкого воеводы свидетельствовал о наличии в первые годы существования удела определенного кадрового дефицита. Прежде к воеводским должностям, несмотря на свой довольно солидный возраст, он не привлекался²⁶.

Князья Волконские имели опыт командования полками. В 1519 г. на Туле с отрядами служилых людей стояли Митя и Потул Волконские (без княжеского титула). Скорее всего, эта фамилия в первой половине XVI в. продолжала сохранять традиционные княжеские права на своих землях, по аналогии с родственными им князьями Мосальскими. Еще в 1517 г. князья Волконские выступали отдельным отрядом во время набега татар. Позднее князь Андрей Старицкий выдавал князьям Д. и Потулу В. Волконским жалованную грамоту на жеребей их брата Вериги в селе Опочна Волконской волости. С его благословения получил приданные вотчины в той же Волконской волости и Г. М. Мешок Валуев, женившийся на дочери Нечая Волконского. Сама по себе выдача подобных жалованных грамот напоминает известные по позднейшим упоминаниям указы Ивана III и Василия III о консервации родового княжеского землевладения, исследованные В. Б. Кобриним. Очевидно, в качестве служилых князей Волконские были переданы князю Андрею Старицкому вместе с Алексинским уездом, где располагались их родовые земли²⁷.

Вообще же стоит отметить исключительную немногочисленность упоминаний о службе князю Андрею Старицкому землевладельцев из пожалованных ему земель, в первую очередь представителей тверского боярства. По наблюдениям А. П. Павлова, еще до образования удела землями в Старицком уезде владели Житовы, Затыкины, Змеевы, Климовы, Кознаковы, Матюкины, князья Морткины-Бельские, Ромейковы, Титовы, Тихменевы²⁸. К этому списку стоит добавить Борисовых-Бороздиных, Киндыревых, Измайловых, Карачевых, Бояринцовых, Полтининных, Волкоморовых, Нагиных, Ласткиных, Сныпинских, Изшурковых (Ошурковых), Мосеевских, Фофановых, Софичей²⁹. Можно констатировать, что здесь, как и в остальных частях Тверской земли, было достаточно развито вотчинное землевладение, в том числе и самое мельчайшее.

Тем не менее наиболее видные фамилии Тверского княжества, имевшие вотчины на территории Старицкого и Холмского уездов, только эпизодически могут быть соотнесены с князем Андреем Старицким. Известно, например, что в 1530-е годы жалованная грамота на с. Кузьмодемьянское Старицкого уезда была выдана Ф. Б. Захарьину Бороздину. Выдача этой

²⁵ Бенцианов М. М. Служилые люди князя Юрия Дмитровского. С. 68.

²⁶ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 111; РК. С. 21.

²⁷ РК. С. 62; Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 17; АФЭХ. Ч. 2. № 176. С. 172; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 68–89.

²⁸ Павлов А. П. Опыт ретроспективного изучения писцовых книг. С. 118.

²⁹ Акты XIII–XVII в. № 104. С. 87–90; № 128. С. 109–111; АФЭХ. Ч. 2. № 109. С. 103; № 121. С. 112–113; № 176. С. 172; Маштафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 148.

грамоты в тревожное для удельного княжества время, возможно, была вызвана стремлением заручиться поддержкой влиятельных среди местных землевладельцев Борисовых-Бороздиных в намечающемся противостоянии с центральным правительством, тем более что в результате брака на княжне Ефросинии Хованской сам князь Андрей Старицкий породнился с этой фамилией³⁰. В 20-е годы XVI в. Ф. Б. Бороздин был душеприказчиком В. Ю. Поджоги. Позднее, в начале 50-х годов, несмотря на подтверждение упомянутой жалованной грамоты князем Владимиром Старицким в 1548 г., он был известен как помещик в волости Суземье Тверского уезда, на службе у «царя и великого князя»³¹. Возможно, он и прежде служил Василию III.

Достаточно крупным землевладельцем Старицкого уезда был А. А. Карачев. Его купчая 1524/1525 г. докладывалась князю Ф. Д. Пронскому. Несмотря на многочисленные вотчины, А. А. Карачев не очень-то ценил свое положение. Текст жалованной грамоты 1544 г. говорит о том, что он «отъезжал в Литовскую землю», за что его земли были конфискованы князем Андреем Старицким и возвращены ему только «по великого князя жалованию»³².

Встречались на старицкой службе также два представителя многочисленного рода Ромейковых. Ю. В. Ромейков присутствовал в 1524/1525 г. на докладе у князя Ф. Д. Пронского, а его родственник В. П. Ромейков описывал в 1530/1531 г. Холмские волости³³.

Известия тверской дозорной книги начала 50-х годов XVI в. позволяют установить происхождение и родственные связи шута князя Андрея Старицкого Гаврилы Воеводича, предавшего своего господина в 1537 г. Г. А. Воеводин был мелким вотчинником Тверского уезда (в категории служничей земли). Совладельцу его вотчины (описаны вместе) И. Ф. Змееву принадлежали также земли, полученные в приданое, в Старицком уезде. Вполне вероятно, что его мать была дочерью А. Воеводина. В пользу этого расположения свидетельствует компактность вотчин Воеводининых, среди которых Змеевы (В., И., М. Ф.) выглядели чужеродным элементом. В свою очередь, А. А. Воеводин, предполагаемый брат шута Гаврилы Воеводича, согласно Дворовой тетради, служил по Белой, куда впоследствии были переселены многие старицкие дети боярские³⁴.

Наверняка на старицкой службе нашли место Кознаковы. В 1530 г. производился разбор спорного дела о займе с участием нескольких представителей этого рода. В старицкой рубрике Дворовой тетради Кознаковы фигурировали среди дворовых детей боярских³⁵.

Подводя определенные итоги, можно отметить, что, за исключением князей Чернятинских, которые не принадлежали к числу собственно тверского боярства, все остальные «тверичи» заняли в структуре старицкого двора весьма скромное положение. Несмотря на присутствие на территории Старицкого уезда значительного числа знатнейших тверских боярских родов (например, Борисовых-Бороздиных, Житовых, Киндыревых, Измайловых), никто из них не вошел в состав удельной думы. Примечательно, что кроме шута Гаврилы Воеводича ни один представитель коренных старицких землевладельцев не был назван среди лиц, сопровождавших князя Андрея во время его «новгородского похода».

³⁰ АФЗХ. Ч. 2. № 115. С. 108–109.

³¹ Там же. № 92. С. 88; № 208. С. 214; Писцовые материалы Тверского уезда. С. 166. В подтверждение своих прав на поместье он предъявил писцам грамоту великого князя Ивана Васильевича 7028 г. Если в данном случае речь шла о подтверждении предыдущей жалованной грамоты, то указанная дата прямо свидетельствует о его службе Василию III. Стоит отметить, что после князя Андрея Старицкого и до выдачи новой грамоты князем Владимиром Старицким грамота на с. Кузьмодемьянское получила подтверждение со стороны московского правительства.

³² АРГ. № 240. С. 241; Смирнов И. И. Жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого // ИА. Т. 2. М.; Л., 1939. С. 57.

³³ АРГ. № 240. С. 241; ДДГ. № 102. С. 421.

³⁴ Писцовые материалы Тверского уезда. С. 263–264; ТКДТ. С. 194.

³⁵ Акты XIII–XVII в., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898. № 128. С. 109–111; ТКДТ. С. 183.

Аналогичным образом обстоит дело в уделе князя Юрия Дмитровского, что, видимо, отражало сходные процессы по формированию удельных дворов³⁶.

В целом же со служебной точки зрения на старицкой службе, кроме князя Ф. Д. Пронского и отчасти князей Волконских, были представлены второстепенные лица, не имевшие опыта разрядных назначений.

Меньше сведений известно о дьяках (и подьячих), находившихся на старицкой службе, хотя эта категория служилых людей, безусловно, занимала здесь достаточно видное место³⁷. Дьяк Исаак Иванов Попов в 1524/1525 г. подписывал купчую грамоту А. А. Карачева. В 1537 г. с посольством князя Ф. Д. Пронского в Москву ездил дьяк Варган Григорьев. Дьяк Меньшик, которого, вероятно, следует сопоставить с Меньшиком Федоровым, описывавшим в 1531/1532 и 1544/1545 г. дворцовые села Старицкого уезда, фигурировал в духовной Г. М. Мешка Валуева. Вместе с ним в этом описании участвовал дворцовый дьяк Жук Прокофьев. Подьячим, а затем и дьяком князя Андрея Старицкого был Г. А. Великой. Известен также подьячий Копыто Григорьев³⁸. Скудость информации не позволяет определить их преемственность и реальные полномочия. Очевидно только, что все эти имена прежде не были известны среди дьяков Государева двора.

Не встречались также в источниках по истории Государева двора имена некоторых детей боярских на службе у князя Андрея Старицкого. Например, Г. В. Каша Огарков занимал здесь достаточно видное положение. В 1524/1525 г. он присутствовал на докладе у князя Ф. Д. Пронского по купчей А. А. Карачева, а в событиях 1537 г. в качестве «ближнего дворянина» возглавлял удельную «службу безопасности». Ему был, в частности, отдан для пытки пойманный при попытке к бегству А. М. Валуев. Позднее он фигурировал в завещании А. А. Карачева³⁹. Не удается установить также служебные связи до появления в старицком уделе Вешняка Дурного Третьякова Ефимьева, М. Киевского, а также В. С. Кузьмина⁴⁰.

При анализе изменений личного состава старицкого двора следует отметить ограниченные возможности для поместных раздач на территории этого удела. За исключением Алексинского уезда, в старицкий удел попали земли с очень высокой степенью концентрации вотчинного землевладения. Поместья могли появиться здесь либо в результате конфискаций, либо в случае раздачи дворцовых земель. Первый путь был заранее обречен на неудачу, хотя иногда удельная администрация и прибегала к нему, как это было, например, после побега А. А. Карачева. Большое значение имела раздача дворцовых земель.

Позднее, в 1563 г., при проведении принудительного обмена владениями между Иваном IV и князем Владимиром Старицким были тщательно зафиксированы все изменения, коснувшиеся дворцовых земель удела. В том числе были отмечены и села, пошедшие в поместные раздачи. В Старицком уезде к ним были отнесены села Лодьино, Песьино, Иворовское, Арсеньево, Новое Покровское, Никольское на Держи, в Верейском — Огрофенинское, Куреево, Семиклетцкое, Федоровское. Из подмосковных сел дворцовое село Богородское прежде было «в поместных, вотчинных и черных землях»⁴¹. Трудно сказать, когда упомянутые села перешли в категорию поместных. Определенная их часть могла пойти в раздачу уже при князе Андрее Старицком. В любом случае, даже если предположить, что все они стали основой для испомещения

³⁶ Бенцианов М. М. Служилые люди князя Юрия Дмитровского. С. 62.

³⁷ В 1563 г. в указе о роспуске старицкого двора дьяки были названы сразу вслед за боярами и непосредственно перед стольниками и дворовыми детьми боярскими.

³⁸ АРГ. № 240. С. 241; Кром М. М. Вдовствующее царство: политический кризис в России 30–40-х гг. XVI века. С. 127; ДДГ. № 102. С. 427; АФЭХ. № 109. С. 103; № 176. С. 179.

³⁹ АРГ. № 240. С. 241; ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 357; Смирнов И. И. Жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого. С. 58.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 357; АРГ. № 216. С. 218–219; № 240. С. 241.

⁴¹ ДДГ. № 102. С. 421; № 103. С. 424.

служилых людей во время существования первого старицкого удела, то их число кажется явно недостаточным для придания процессу поместных раздач масштабного характера. С другой стороны, остававшиеся, и гораздо более значительные по своему количеству, в распоряжении у князя Владимира Старицкого дворцовые села свидетельствуют о том, что старицкие князья не форсировали этот процесс.

Известны были также пожалования князя Андрея Старицкого, причем как поместий, так и вотчин, на территории Алексинского уезда⁴².

Скорее всего, вотчины жаловались и в других уездах Старицкого княжества. Число подобных примеров, однако, вряд ли было значительным. Из завещания князя Ю. А. Меньшого Пенинского, боярина и родственника старицких князей, известно, что у него отсутствовали вотчины на территории Старицкого уезда. Только купли, а не жалованные вотчины упоминаются и в духовной грамоте Г. М. Валуева. Впоследствии старицкие вотчины принадлежали также сыновьям И. И. Умного Колычева, Новосильцевым и, вероятно, князьям Пронским. Согласно приписке к старицкой рубрике Дворовой тетради: «Сего города кроме дву Пронских почернены все», князья Пронские продолжали служить по Старице даже после расформирования этой корпорации, что было возможно только в случае наличия у них вотчин в Старицком уезде. Сохранились данные о владении князем Ф. Д. Пронским (по кабале) села Игнатьево в Старицком уезде, которое затем оказалось у З. П. Яковлева⁴³. В 50-е годы XVI в. вотчины в Старицком уезде пришлось приобретать Ф. Н. Маринину, служившему уже князю Владимиру Старицкому⁴⁴.

По своей структуре двор князя Андрея Старицкого, как справедливо заметил А. А. Зимин, был «миниатюрной копией» Государева двора. К сожалению, большая часть бояр старицкого удела упоминается только в 30-е годы XVI в. В предыдущее десятилетие есть сведения о боярстве князя Ф. Д. Пронского (1524/1525 г.). В это же время боярином князя Андрея Старицкого был, скорее всего, князь В. А. Чернятинский. Функции дворецкого выполнял И. И. Умной Колычев (1525/1526 и 1530 г.). В 1537 г. дворецким был уже князь Ю. А. Меньшой Пенинский, хотя за И. И. Колычевым продолжали сохраняться некоторые из прежних функций. В частности, именно к нему, согласно «Повести о поимании», обращался стольник князь И. В. Ших Чернятинский с просьбой о снятии крестного целования⁴⁵. Стольники, как изначально один из дворцовых чинов, должны были подчиняться власти дворецкого. Возможно, он, как и его отец, имел в удельном дворе звание окольничего.

Трудно определить время получения боярства князьями И. и Ю. А. Меньшим Пенинскими. Первый из них, несмотря на старшинство, упоминается в этом качестве только в 1537 г. Его брат Юрий Меньшой был удельным боярином в 1533 г., на свадьбе князя Андрея Старицкого. Скорее всего, его боярство было обусловлено именно этим событием, поскольку его жена Ульяна (из рода князей Хованских) приходилась родной сестрой княгине Евфросинье Старицкой. Т. е. он приходился свояком самому князю Андрею Старицкому. Не случайно, его старший брат Ю. А. Большой боярином так и не стал, хотя и был заметной фигурой при старицком дворе. Аналогичным образом в том же свадебном разряде впервые упоминается князь Б. И. Палецкий «у коня», что, очевидно, можно соотнести с его званием конюшего. В качестве же боярина и конюшего он известен уже только в 1537 г.⁴⁶

Учитывая боярскую службу князя Ю. В. Чапли при дворе князя Владимира Старицкого, вполне вероятно, что кто-то из князей Лыковых был боярином при дворе его отца. Князь А. В. Курака Лыков

⁴² Вотчина была пожалована Г. В. Грязному Ильину, а поместье — новокреплену В. Баранчеву.

⁴³ АФЭХ. Ч. 2. № 176. С. 172; № 375. С. 419; Павлов А. П. Опыт ретроспективного изучения писцовых книг. С. 87; ТҚДТ. С. 184; Маштафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI века. С. 148.

⁴⁴ АФЭХ. Ч. 2. № 281. С. 290.

⁴⁵ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 293; АРГ. № 240. С. 241; Родословная книга. Ч. I. С. 66; Акты XIII—XVII в. № 128. С. 111; ПСРЛ. Т. 28. Прил. С. 357.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 294; Разрядная книга 1475—1605 г. Т. I. Ч. 2. С. 237.

в 1533 г. присутствовал на свадьбе князя Андрея Старицкого⁴⁷. Всего, таким образом, боярская дума князя Андрея Старицкого состояла из 5–6 бояр и, возможно, одного окольничего.

Помимо бояр, в том числе занимающих должности конюшего и дворецкого, в составе старицкого двора присутствовали свои стольники. Выше уже говорилось о стольнике князе И. В. Шихе Чернятинском. Примечательно, что получение им этой должности находилось в полном соответствии с традициями московского двора. Стольниками, как правило, становились новики из знатных аристократических фамилий, сравнительно недавно поступающие на службу. Со временем все они имели неплохие шансы на попадание в Боярскую думу⁴⁸. Соответственно, князь И. В. Ших был сыном боярина князя В. А. Чернятинского. По своим родственным связям он принадлежал к верхушке старицкого двора.

Выделение новых придворных званий и должностей затрагивало не только высшую часть двора князя Андрея Старицкого. Среди служивших в старицком уделе дьяков, как и в структуре Государева двора, существовала своя специализация. Известно, например, что должность дворцового дьяка занимал в 1530 г. Жук Прокофьев, выполнявший описания дворцовых сел Старицкого уезда⁴⁹.

В определенной степени старицкий двор не только копировал структуру Государева двора, но и отражал происходившие на более высоком уровне политические изменения. Показательна в этом отношении роль князей Пенинских. Князь И. А. Пенинский также был здесь боярином, а князь Ю. А. Большой в том же 1537 г. возглавлял удельные войска, отправленные по настоянию московского правительства в Коломну. Все три брата после «поимания» князя Андрея Старицкого были подвергнуты торговой казни⁵⁰.

Завещание князя Ю. А. Большого Пенинского, написанное уже в 60-е годы XVI в., показывает его тесные связи с другими князьями Оболенскими. В этой духовной грамоте помимо собственно князей Пенинских упоминаются, в частности, князь С. И. Туренин, Ф. М. Черный Константинов, М. и Ю. П. Репнины, П. С. Серебряный, А. В. Ногтев, И. А. Кашин, Д. И. Немого Телепнев, Ф. и И. И., а также Ю. В. Лыковы. Среди них только князь Ю. В. Чапля Лыков, как и сам князь Ю. А. Меньшой Пенинский, служил князю Владимиру Старицкому. Остальные никак не были связаны со старицким двором и служили непосредственно самому Ивану IV⁵¹. Вероятнее всего, именно эти контакты и привели в конце концов к включению его племянника, князя Ф. И. Пенинского, в состав корпорации князей Оболенских. В Тысячной книге он был записан по Старице, в Дворовой тетради — уже под рубрикой «князи Оболенские»⁵².

Родство князей Пенинских с князем Андреем Старицким, князьями Хованскими, а через них с князьями Чернятинскими и Пронскими предопределило их высокое положение при старицком дворе в 30-е годы XVI в. Хронологически это возвышение совпало со временем стремительного взлета их родственника (троюродного брата) князя И. Ф. Овчины Телепнева. Последнее обстоятельство также, возможно, сыграло свою роль в их судьбе. М. М. Кром обратил внимание на состав послов, последовательно отправляемых в 1537 г. в Старицу с посланиями от московских бояр. Среди них были исключительно представители Оболенского княжеского дома: князь В. Ф. Оболенский, В. С. Серебряный и Б. Д. Щепин. Выбор этих лиц был далеко не случаен. Все они находились в близком родстве с «временщиком» князем И. Ф. Овчиной Телепневым и выступали, таким образом, в качестве доверенных лиц московского правительства.

⁴⁷ Родословная книга. Ч. 1. С. 225; РК. С. 14.

⁴⁸ Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений русского государства XV и XVI вв. // ИЗ. 1958. Т. LXIII. С. 189; Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 109–111.

⁴⁹ Акты XIII–XVII в. № 128. С. 111.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 294–295; Т. 28. Прил. С. 357.

⁵¹ АФЭХ. Ч. 2. № 207. С. 207–208; Бенцианов М. М. Княжеские родовые корпорации в Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. С. 8.

⁵² ТКДТ. С. 81, 119.

В столь же тесном родстве они находились и с князьями Пенинскими. Последнее обстоятельство давало им дополнительные возможности по сбору необходимой информации и поддержанию отношений между различными ветвями рода князей Оболенских⁵³. Многие из князей Оболенских участвовали и в дальнейшем подавлении старицкого мятежа. Действительно, по крайней мере четверо воевод, посланных против князя Андрея Старицкого, принадлежали к этому роду: князья И. Ф. Овчина Телепнев, Д. И. Курлятев, В. Ф. Лопатин и Н. В. Хромой⁵⁴. Во многом, вероятно, именно родство между князьями Оболенскими на великокняжеской и удельной службах помогло «мирному» разрешению конфликта.

В дальнейшем, несмотря на проявленную верность князю Андрею Старицкому (князь Ю. А. Меньшой бежал со службы в Коломне и присоединился к его отряду во время «новгородского похода»), последующую торговую казнь и вероятное заточение в тюрьму, все князья Пенинские не затерялись на великокняжеской службе. Уже в начале 40-х годов все три брата Пенинские регулярно фигурируют в разрядах в качестве полковых воевод. Вполне вероятно, что причиной этому обстоятельству были прочные связи с влиятельными представителями князей Оболенских в Боярской думе. Боярами в это время были князья Н. В. Хромой и П. И. Репнин Оболенские⁵⁵. Доверие московского правительства к князю Ю. А. Меньшому Пенинскому было столь велико, что ему было позволено даже вернуться на службу в восстановленный удел князя Владимира Старицкого, несмотря на общую перемену бояр («велел у него быти бояром иным и дворецкому и детям боярским дворовым не отцовским»). Впрочем, в качестве старицкого боярина он упоминался в источниках только начиная с 1548 г.⁵⁶

Высокое положение при великокняжеском дворе в 1530-е годы занимали и князья Палецкие. Князь И. Ф. Палецкий в 1532 г. был окольным. Его родной брат Дмитрий Черета, по наблюдению А. А. Зимина, был близок Василию III. В 1537 г. он был дмитровским наместником, позднее добившись звания боярина и породнившись с самим Иваном IV через брак своей дочери и князя Юрия Углицкого⁵⁷. С другой стороны, оба названных лица приходились двоюродными братьями старицкому боярину и конюшему князю Б. И. Палецкому. В данном случае также можно говорить об определенной синхронности процессов. Возвышение князей Палецких на «государевой службе» совпало с аналогичным подъемом князя Б. И. Палецкого при старицком дворе. Вряд ли подобные совпадения были случайностью.

Если добавить к этому, что боярином в 1530-е годы был родной брат князя Ф. Д. Пронского Юрий, а окольным уже к 1540 г. брат И. И. Умного Кольчева Иван Рудак, то картина тождества будет достаточно полной⁵⁸. Из всех членов боярского совета князя Андрея Старицкого только князья Чернятинские не имели близких родственников в великокняжеской Боярской думе.

Эта ситуация значительно отличалась от той, которая существовала в 1519 г., во время создания старицкого удела, когда здесь были собраны в основном второстепенные представители московской знати. Никто из родственников вассалов князя Андрея Старицкого не входил тогда в состав Боярской думы. В какой-то мере старицкий двор образца 1530-х годов представлял собой уже двор претендента на престол, приемлемого для широких кругов московской боярской аристократии. Очевидно, что приход к власти князя Андрея Старицкого не изменил бы привычной расстановки сил и местнических отношений.

⁵³ Князь Б. Д. Щепин Оболенский в 1533 г. был «у места» на свадьбе князя Андрея Старицкого.

⁵⁴ Кром М. М. Вдовствующее царство: политический кризис в России 30–40-х гг. XVI века. С. 210–211.

⁵⁵ Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 102–103; Кром М. М. Вдовствующее царство: политический кризис в России 30–40-х гг. XVI века. С. 254.

⁵⁶ АФЭХ. Ч. 2. № 208. С. 214.

⁵⁷ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 43.

⁵⁸ Зимин А. А. Состав Боярской Думы в XV–XVI вв. // АЕ за 1957 г. М., 1964. С. 57. Князь Ю. Д. Пронский был боярином в 1529 г. По предположению А. А. Зимина, именно он «изымал» князей Шуйских.

С другой стороны, можно говорить и о противоположной тенденции, в основе которой лежали те же принципы родства. В 30-е годы XVI в. виднейшие фамилии старицкого удела с помощью нескольких знаковых брачных союзов породнились между собой, а также и с самим князем Андреем Старицким.

Начало этому процессу было положено в 1533 г., когда старицкий князь с позволения Василия III вступил в брак с княжной Евфросиньей Хованской. В результате этого брака, последствия которого будут сказываться еще несколько последующих десятилетий, он породнился не только с самими князьями Хованскими, но и еще с целым рядом аристократических фамилий. Мать княжны Евфросиньи была дочерью П. Б. Борисова из влиятельного рода тверских бояр Борисовых-Бороздиных, владевших вотчинами, в том числе и на территории старицкого удела. Ее сестра Ульяна была женой князя Ю. А. Меньшого Пенинского. Еще одна дочь князя А. Ф. Хованского Фетинья была замужем за князем Д. Д. Пронским, братом старейшего боярина князя Андрея Старицкого. Где-то в 40–50-е годы XVI в. князь Ю. А. Меньшой Пенинский выкупал у внука своей тещи князя Василия Пронского ряд пустошей в Волоцком уезде⁵⁹.

Благодаря Хованским состоялся и еще один брачный союз. Сын князя И. А. Хованского Дмитрий, племянник Евфросиньи Старицкой, в начале 50-х годов XVI в. унаследовал по рядной грамоте вотчины князя В. В. Чернятинского, одного из сыновей боярина князя В. А. Чернятинского, в Тверском уезде. Скорее всего, он был женат на его дочери⁶⁰.

Таким образом, родственные отношения связали между собой представителей виднейших удельных родов: князей Пенинских, Пронских, Чернятинских, которые через князей Хованских превратились в родственников самого князя Андрея Старицкого.

Менее определенно можно говорить о значении еще одного брака. В. П. Борисов, дядя Евфросиньи Старицкой, был женат на дочери князя Ф. И. Палецкого. В число родни старицкого князя попадали за счет этого также князья Палецкие, хотя в этом случае родство имело уже более отдаленный характер⁶¹.

Подводя определенные итоги, стоит еще раз обратиться к списку советников князя Андрея Старицкого, пресловутых «лихих людей», подвергнутых в 1537 г. торговой казни. Среди них были князья Ф. Д. Пронский, И. Ю. Большой и Ю. Меньшой Пенинские, И. А. Хованский, И. И. Умной Кольчев. Как заметил М. М. Кром, Вологодско-Пермская летопись добавляет к именам казненных также двух князей Чернятинских⁶². В этом списке, за исключением И. И. Умного Кольчева, фигурировали связанные родством друг с другом и с князем Андреем Старицким лица.

В этом обстоятельстве крылась двойственность возникшей ситуации. Верхушка старицкого двора была заинтересована в поддержании мирных, союзнических отношений с московским правительством. При этом все они по своему положению и родству не могли не поддерживать князя Андрея Старицкого в его начинаниях. Неудивительно, что в итоге ситуация разрешилась миром.

(Продолжение в следующем номере журнала)

⁵⁹ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 272; АФЗХ. Ч. 2. № 208. С. 212.

⁶⁰ Писцовые материалы Тверского уезда. С. 169; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 166.

⁶¹ ПСРЛ. Т. XIII. Вторая половина. С. 523. Составителем Царственной книги в событиях 1533 г. было подчеркнуто родство князя Д. Ф. Палецкого, В. П. Борисова-Бороздина и князя Владимира Старицкого.

⁶² ПСРЛ. Т. 8. С. 294–295; Кром М. М. Вдовствующее царство: политический кризис в России 30–40-х гг. XVI века. С. 218.